

Цзи Линьсюэ скользнул взглядом по странице. От сборника пахло старыми чернилами и чужими приторно-сладкими духами, и он чуть отодвинулся, чувствуя, как под ложечкой заныло от этого запаха, слишком навязчивого, как сама его обладательница.

— Это тот же тип, что ты спрашивала в прошлый раз, — ответил он ровно, без тени раздражения. — Решается аналогично.

Девушка, которая понятия не имела, о каком таком «прошлом разе» идёт речь, растерянно захлопала ресницами.

— ...А у тебя память отличная, — только и нашлась она сказать.

Цзи Линьсюэ мысленно вздохнул. С тех пор как он появился в этом классе, девушки то и дело находили повод к нему приблизиться, кто с вопросом по учёбе, кто с просьбой одолжить ручку, а кто и вовсе с совершенно надуманным предлогом. По сравнению с его прежней школой, здешние одноклассницы были куда смелее и настойчивее.

Он терпеливо, шаг за шагом, объяснил ей ход решения, и с каждым его словом глаза девушки стекленели всё сильнее, будто она смотрела не на формулы, а на наскальную живопись, и пыталась расшифровать, что хотел сказать древний художник.

— Поняла? — спросил он, уже догадываясь об ответе, и девушка виновато покачала головой.

— Н-нет... Можешь ещё раз? Пожалуйста?

Цзи Линьсюэ снова вздохнул, но не успел он открыть рот, как сзади раздался ленивый, чуть насмешливый голос, от которого девушка вздрогнула так, будто её застали за чем-то неприличным:

— В конце сборника, между прочим, есть ответы и подробные пояснения. Не понимаешь — открой и почитай на досуге. Вечно пристаёшь к людям с вопросами, а потом всё равно в голове пусто. Не надоело?

Девушка поперхнулась воздухом и, не смея обернуться, пробормотала себе под нос едва слышно:

— Тебя, между прочим, не спрашивают...

Эту фразу она, конечно, не осмелилась произнести вслух при Гу Хэнчжи, но Цзи Линьсюэ, сидевший рядом, расслышал каждое слово.

Забавно. Гу Хэнчжи в школе обожали заочно и боялись вживую. Настоящая звезда, к которой

никто не решался приблизиться без крайней необходимости, потому что одного его взгляда хватало, чтобы человек забыл, зачем пришёл, и ретировался с позором. Вот эта девушка, например, относилась к их числу.

После его язвительного замечания у неё не осталось никаких причин задерживаться. Она обиженно поджала и без того тонкие губы и, прижимая к груди злополучный сборник, быстро вышла из класса. Цзи Линьсюэ покосился на Гу Хэнчжи. Тот, даже не подняв головы, продолжал сосредоточенно выводить в тетради какие-то формулы, делая вид, что ничего не произошло.

С того самого дня на стрельбище, когда Цзи Линьсюэ невольно его «опозорил», отказавшись от соревнования, да ещё и застал его в жалком, унижительном виде, со следом от отцовской пощёчины на лице, Гу Хэнчжи, казалось, поставил себе целью постоянно к нему придирааться, задевать, выводить из себя. Но, если здраво рассудить, в этом была и своя, неожиданная польза. Вот, например, сейчас он своим вмешательством помог отвадить очередную назойливую «поклонницу», избавив Цзи Линьсюэ от необходимости продолжать этот бессмысленный диалог.

Цзи Линьсюэ не видел в таком положении вещей ничего плохого. Гу Хэнчжи не умел и не пытался скрывать свои чувства, симпатии и антипатии у него всегда были как на ладони, написаны крупными буквами на лице. Если Цзи Линьсюэ хотел к нему приблизиться, завоевать его доверие, чтобы впоследствии изменить ход будущих трагических событий, ему нужно было любыми способами привлечь его внимание, заставить замечать себя.

Сейчас, когда между ними установились такие своеобразные, колючие отношения, это было всё же лучше, чем быть для него просто «ещё одним обычным одноклассником», пустым местом.

Над школьным двором плавилось марево, асфальт пузырился, и даже воробьи, обалдев от духоты, сидели в тени с раскрытыми клювами и ни на что не реагировали. Поэтому урок физкультуры перенесли в бассейн, в прохладный крытый зал, где можно было не бояться теплового удара.

Лицо Гу Хэнчжи, слава богу, давно зажило, и от недавнего позорного следа не осталось и следа. Сейчас он сосредоточенно разминался на бортике бассейна, одетый лишь в облегающие плавки. Талия и бёдра подтянуты, мышцы живота перекачиваются под смуглой, влажной кожей, и тело его, ещё по-юношески угловатое и гибкое, уже сейчас обещало в будущем превратиться в машину, от которой у любого отпадает челюсть. В этом возрасте большинство парней, занятых учёбой до седьмого пота, отличались худобой и нескладностью, а такая фигура, как у Гу Хэнчжи, с уже обозначившимся мышечным рельефом, в одежде стройная и поджарая, без неё по-настоящему атлетичная, была огромной редкостью, настоящим подарком судьбы.

Цзи Линьсюэ едва переступил порог просторного, залитого светом зала, как сразу же заметил его. Эту фигуру невозможно было не заметить, даже если бы он очень старался. Он оглянулся

вокруг и понял, что и другие, как девушки, так и парни, то и дело бросают на Гу Хэнчжи украдкой заинтересованные, оценивающие взгляды.

Девушки, наблюдавшие за ним, краснели и смущённо отводили глаза, парни откровенно завидовали. Цзи Линьсюэ заставил себя отвести взгляд и скользнул им по прозрачной, обманчиво спокойной голубой глади. И в ту же секунду сердце пропустило удар, сбилось с ритма, а ладони стали влажными.

Он уже больше месяца, с самого начала семестра, виртуозно прогуливал физкультуру.

Как только узнал, что в программе значится плавание, он находил всё новые и новые предлоги, то «живот болит», то «голова кружится», то просто «самочувствие не очень», и оставался в пустом, душном классе. Но учитель физкультуры, мужик бывалый и внимательный, быстро раскусил эту нехитрую тактику. В этот раз он без разговоров велел Цзи Линьсюэ явиться на урок, и точка, никаких отговорок.

Цзи Линьсюэ медленно, словно его вели на казнь, поплёлся в раздевалку.

Урок начался. Учитель, высокий, с квадратным подбородком и вечным свистком на шее, раскрыл журнал и начал переключку, голос его эхом разнёсся под сводами бассейна. Все ученики, за исключением тех, у кого были официальные освобождения, были на месте, не было только Цзи Линьсюэ.

— А где Цзи Линьсюэ? — учитель повысил голос, оглядывая зал. — Он что, всё ещё в классе прохлаждается?

Из группы девушек, сгрудившихся у бортика, раздался звонкий голос:

— Он здесь! Я сама видела, как он в раздевалку пошёл!

Вокруг тут же слышались понимающие смешки и шушуканье:

— Ого, как внимательно ты за ним следишь, подруга! Ай-яй-яй!

— Тихо всем! — прикрикнул учитель, но в глазах его заплясали смешинки. Он обвёл взглядом учеников и ткнул пальцем в самого высокого парня, который как раз лениво потягивался у бортика. — А ну-ка, сходи в раздевалку, приведи этого горе-пловца, — учитель ткнул пальцем в Гу Хэнчжи. — И без фокусов. Живо!

— Я, что ли? — удивлённо вскинул бровь Гу Хэнчжи, и учитель усмехнулся:

— Да, ты, ты. Не крути головой, тут других кандидатов нет.

Гу Хэнчжи хмыкнул, но спорить не стал. Ну просто праздник какой-то. Он направился к выходу из зала.

Шэнь Шаоянь и Лу Юй тревожно переглянулись. Только не подеритесь. Господи, пожалуйста, пусть они просто разойдутся по разным углам, я потом свечку поставлю.

Гу Хэнчжи толкнул дверь раздевалки. Внутри пахло хлоркой, мокрым кафелем и застоявшейся водой, и под сводами стояла звенящая, почти гробовая тишина, нарушаемая только мерным капаньем где-то в душевой. Он сделал несколько шагов вглубь и увидел Цзи Линьсюэ.

Тот сидел на деревянной скамейке, низко опустив голову, и даже не обернулся на звук шагов.

— А, теперь понятно, почему ты так отчаянно не хотел идти на урок, — протянул Гу Хэнчжи, приближаясь с улыбкой человека, который нашёл чужую слабость и уже прикидывает, как бы поизящнее на неё надавить. — С таким телом, как у тебя, действительно стыдно перед людьми показаться.

Он, не спрашивая разрешения, грубо ухватил Цзи Линьсюэ за руку, повертел её так и эдак, будто приценивался к куску мяса на рынке, и бросил пренебрежительно:

— Тощий, как вобла. Руки-спички. Тебя что, вообще не кормят?

Цзи Линьсюэ резко отдернул руку, и пальцы его сжались в кулак, да так, что ногти впились в ладонь. По сравнению с Гу Хэнчжи он, конечно, проигрывал, но не настолько катастрофически, как тот пытался представить.

За три года, проведённых в этом мире, он упорно, каждое утро, занимался спортом. Но, видимо, сказывалась конституция тела, а может, и что-то ещё. Мышцы нарастали тонким, едва заметным слоем, а из-за узких, хрупких костей он казался ещё более субтильным и беззащитным, чем был на самом деле.

И без того взвинченный до предела самим фактом присутствия в этом ненавистном месте, Цзи Линьсюэ ответил резче, чем следовало:

— А ты, собственно, чего припёрся? — Цзи Линьсюэ вскинул голову. — Любоваться пришёл? Или решил, что я без тебя дорогу в бассейн не найду?

Гу Хэнчжи, ничуть не обидевшись, скрестил руки на груди, скользнул ленивым, оценивающим взглядом по бледной коже, мелькнувшей в вырезе футболки, и холодно, даже брезгливо, отвернулся.

— Думаешь, мне самому охота с тобой возиться? — фыркнул он. — Учитель послал. Сказал, чтоб привёл тебя, пока ты тут совсем не раскис.

— Понял, — коротко бросил Цзи Линьсюэ и, поднявшись, первым направился к выходу.

Они вышли из раздевалки молча, один за другим, словно чужие.

Когда все наконец собрались, урок начался. В этот раз учили брасс. Сначала на суше, лёжа на специальных ковриках, отрабатывали движения ногами, потом учитель скомандовал заходить в воду, учиться правильно дышать, делать глубокий вдох ртом и медленный, продолжительный выдох носом прямо в воду.

Все с радостными, оживлёнными криками, толкаясь и брызгаясь, попрыгали в прохладную, манящую воду бассейна. Один Цзи Линьсюэ остался на бортике. Он смотрел на эту обманчиво-прозрачную, спокойную гладь и чувствовал, как холодный, липкий пот выступает у него на лбу. Сделав над собой нечеловеческое усилие, он очень осторожно, словно ступая по минному полю, сделал первый шаг в воду.

Вода, прохладная и непривычная, тотчас же противно облепила ноги, поднялась выше, обхватила тело ледяным объятием, и Цзи Линьсюэ показалось, что его засасывает в бездонную, холодную трясиину, из которой не выбраться.

Цзи Линьсюэ закусил губу до крови и вцепился в холодный, скользкий бортик так, что костяшки побелели, а пальцы заныли от напряжения, но разжать их он не мог, даже если бы захотел.

— Внимание всем! — гремел под сводами бассейна голос учителя. — Запомните главное правило: вдох делаем ртом, выдох — носом, прямо в воду! Ни в коем случае не задерживайте дыхание, когда ныряете!

Цзи Линьсюэ не слышал ни слова, он вообще ничего не соображал. Когда учитель, закончив объяснять теорию, наглядно показал правильную технику плавания и разрешил всем надеть плавательные лопатки, чтобы попробовать применить отработанные на суше движения ног в воде, он по-прежнему стоял как вкопанный, вцепившись в спасительный бортик.

— Сегодня наша главная задача — отработать дыхание и правильную работу ног, — объявил учитель. — Остальное время — свободное плавание. Можете плескаться в своё удовольствие.

Услышав эту, казалось бы, спасительную фразу, Цзи Линьсюэ мгновенно, словно ужаленный, вылетел из воды, пулей взобрался на бортик и, рухнув на резиновый коврик для сухой тренировки, принялся с утроенным рвением делать вид, что отрабатывает удары ногами.

Кроме него, на берегу обнаружилось ещё несколько человек, те, кто тоже решил не искушать

судьбу и «оттачивать мастерство» на суше.

Сначала Цзи Линьсюэ ещё тешил себя слабой надеждой, что этот его страх всего лишь временное помутнение, что он сможет его перебороть. Но сейчас, лёжа на этом жёстком, пахнущем резиной и хлоркой коврик и глядя на манящую, но такую враждебную для него воду, он понял окончательно и бесповоротно, что больше никогда в жизни не сможет плавать.

Хорошо, что никому не было до него никакого дела. Большая часть урока прошла, Цзи Линьсюэ постепенно выдохнул, плечи сами собой опустились, дыхание выровнялось, и он просто сидел, уставившись невидящим, отсутствующим взглядом на воду.

Одноклассники всю веселились в бассейне: кто старательно отработывал упражнения, кто с визгом обливался водой, кто бездумно болтался от бортика к бортику. Даже обычно хмурый и замкнутый Гу Хэнчжи, казалось, получал от плавания неподдельное удовольствие. Он ловко, мощными гребками, проплыл туда и обратно, затем легко, играючи, подтянулся на руках и уселся на бортик, откинув со лба мокрые, тяжёлые пряди, открыв гладкий, чистый лоб.

Капли воды срывались с его чёрных волос и с тихим стуком разбивались о кафель, стекали по рельефной груди, по животу и исчезали там, внизу, скрытые тканью плавок, и Цзи Линьсюэ вдруг поймал себя на том, что проследил весь этот маршрут. До самого конца. Отлично. Теперь я точно извращенец.

Вдруг, словно почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, Гу Хэнчжи резко поднялся на ноги и широкими, решительными шагами направился прямо к Цзи Линьсюэ.

— На что это ты там уставился? — с ходу, без всяких предисловий, набросился он на него с обвинениями.

Цзи Линьсюэ, вырванный из оцепенения, удивлённо посмотрел на него.

— Ты что, с ума сошёл? — спокойно, без тени испуга, спросил он.

Гу Хэнчжи зло, нехорошо усмехнулся.

— А ты скажи прямо, — процедил он сквозь зубы, почти беззвучно, так, чтобы слышал только Цзи Линьсюэ, — скажи, что не смотрел на меня... там, внизу.

Цзи Линьсюэ резко вскочил на ноги, и желваки заходили под кожей.

— Ты что за чушь несёшь? — воскликнул он, не уступая в накале страстей.

Атмосфера вокруг них накалилась до предела, до точки кипения. Шэнь Шаоянь, заметив

неладное, мигом подбежал и бесцеремонно втиснулся между ними, раскинув руки в стороны.

— Мужики, мужики, давайте без драк, а? — затараторил он примирительно. — Спокойно, без рук!

Лу Юй, неспешно подошедший следом, с самым невозмутимым и серьёзным видом изрёк:

— Да, не ссорьтесь, пожалуйста. Если уж так невтерпёж подраться, деритесь прямо в бассейне. Там и вода есть, чтобы охладить пыл.

Все, кто был рядом, как по команде, уставились на него. Шэнь Шаоянь давился от смеха, лицо его пошло красными пятнами от напряжения.

Цзи Линьсюэ дёрнул уголком рта. Спорить и препираться с этими двумя придурками, которые даже в такой момент умудрялись шутить, было себе дороже. Он просто развернулся и, не сказав больше ни слова, зашагал прочь.

И в тот же миг, откуда ни возьмись, рядом с ним возник толстый, неуклюжий парень, который, прежде чем кто-либо успел среагировать, со всей дури толкнул его в спину, отправив в полёт прямо в воду.

— Ой! — заверещал он с фальшивым испугом. — Извините, ради бога! Нога поскользнулась, такая мокротица вокруг!

Цзи Линьсюэ, падая, успел заметить это злорадное, самодовольное выражение на его заплывшем жиром лице. Мысли в голове смешались в дикую какофонию, а тело, не слушаясь приказов, уже летело назад, поднимая тучу брызг.

Вода сомкнулась над его головой, поглотив его целиком, и он сразу почувствовал её вкус, хлорный, едкий, химический, как будто глотнул из баночки с отбеливателем.

Он отчаянно попытался выплыть, сделать хоть одно движение, но руки и ноги, словно налившись свинцом, отказывались повиноваться, безвольно болтаясь в толще воды. Перед глазами, застилая свет, проплывали серебристые пузырьки воздуха, уходящие вверх, к спасительной поверхности, всё дальше и дальше.

Холодная, бескрайняя вода, как болотная трясина, безжалостно засасывала его, тянула вглубь, в темноту. Он был как муха, попавшая в липкую, прочную паутину, барахтайся не барахтай, нити держат крепко, не давая пошевелиться ни рукой, ни ногой.

Как же холодно.

Цзи Линьсюэ медленно, чувствуя, как силы покидают его, закрыл глаза. Сквозь ватную, давящую на уши пелену до него доносились приглушённые, словно из другого мира, голоса.

— Что там случилось? Кто-то упал в воду?

— Может, тренирует задержку дыхания? Глаза, вон, закрыл, лежит на дне...

— Кажется, это Цзи Линьсюэ! Точно, он!

— Спасайте! Ещё один парень тонет!

— Ребёнка вон вытащили, а того, кто полез спасать, самого на дно утянуло... Вот беда-то!

— Видать, сил не рассчитал, простой утопленник. На вид лет двадцать, не больше. Жалко парня.

— А по мне, так дурак. Ради того, чтобы кого-то спасти, своей жизнью рисковать — оно того стоило? Себя не спас, и того не спас...

Он снова... умирает?

«Бултых!»

Вода взметнулась вверх огромным фонтаном брызг. Тёмный, стремительный силуэт, разрезая толщу воды, неумолимо приближался. Цзи Линьсюэ почувствовал, как сильная, надёжная рука обхватила его поперёк груди и мощным рывком потащила наверх, к свету.

Когда его голова наконец показалась над поверхностью, мир вновь обрёл для него чёткость и реальность. Его вытащили на холодный, скользкий пол бассейна, он лежал неподвижно, чувствуя, как по лицу стекает вода, и не в силах открыть глаза, а Шэнь Шаоянь метался рядом, как угорелый, и в голосе его слышались истерические нотки:

— Твою мать! Что с ним?! Он дышит вообще?! Хэн-гэ, он дышит?

Гу Хэнчжи, не говоря ни слова, несколько раз сильно, ритмично надавил ему на грудную клетку, а затем, не колеблясь ни секунды, наклонился и прижался губами к его бледным, холодным, безжизненным губам. Шэнь Шаоянь, стоявший рядом, издал сдавленный звук, похожий на писк.

В ту же секунду Цзи Линьсюэ распахнул глаза и уставился прямо на него.

— Ты что делаешь? — спросил он, и голос его прозвучал хрипло и сипло.

Гу Хэнчжи выпрямился, лицо его было мрачнее тучи.

— А на что это похоже? — огрызнулся он. — Кроме как спасти тебя, больше в этой жизни заняться нечем.

Цзи Линьсюэ с трудом сел, закашлявшись и выплёвывая воду. Наглотался он совсем немного, но сознание всё ещё мутилось, воспоминания из прошлой жизни, из этой, из книги, из реальности перемешались в голове в дикий коктейль, и он не сразу понял, где находится.

А от этих безжалостных надавливаний на грудную клетку он, собственно, и очнулся, больно было до чёртиков. Вокруг него уже столпились взволнованные одноклассники, кто-то заботливо принёс большое, пушистое полотенце и накинул ему на плечи. Полотенце пахло кондиционером и было тёплым, как будто его только что достали из сушилки, и от этого контраста с ледяной водой его пробрало дрожью. Толстый парень, виновник всего этого переполоха, стоял прямо перед ним и, по-прежнему фальшиво улыбаясь, щурил свои крошечные, заплывшие жиром глазки.

— Извини, братан, — промямлил он, разводя руками. — Тут на полу, понимаешь, так мокро, я ногой поскользнулся, не удержался...

Если бы Цзи Линьсюэ своими глазами не видел это его довольное, торжествующее выражение лица в тот самый момент, когда он толкал его в воду, он бы, может, и поверил, что это была досадная случайность.

— Ничего страшного, — спокойно, глядя парню прямо в глаза, ответил Цзи Линьсюэ. — В следующий раз просто смотри под ноги внимательнее. А то ведь можно и ногу сломать. По-настоящему.

Парень вдруг осёкся, улыбка сползла с его лица. Было в этих простых, казалось бы, словах что-то, от чего у него по спине пробежал холодок.

Цзи Линьсюэ отделался, по счастью, лишь лёгким испугом, но учитель на всякий случай отправил его в медпункт, где пахло йодом и ватой, провериться, нет ли каких последствий. Когда он вернулся в класс, урок уже давно закончился. Он специально разыскал Шэнь Шаояня.

Шэнь Шаоянь, он же «ходячая энциклопедия Дэинь» и главный кладёзь всевозможных слухов и сплетен, знал, казалось, всё и обо всех.

— Ты про того толстяка, что тебя в бассейн толкнул? — переспросил он, почесывая затылок. — Это Лю Цинъян, папаша у него, говорят, шахту какую-то прикупил, из тех, кто разбогател за одну ночь и теперь пытается отмыть деньги вместе с репутацией. Выскочка, короче. Он, вроде,

на нашу старосту, на ту, что по русскому языку и литературе, запал. Раз сто уже признавался, и всё без толку, облом полный.

Цзи Линьсюэ смутно припомнил: староста, кажется, и была его постоянной поклонницей, которая, как заботливая наседка, таскала ему разные сладости. В прошлый раз, кажется, принесла целую коробку дорогого шоколада, но он тогда вежливо отказался.

Через несколько дней на уроке классный руководитель Чэнь объявил, что Лю Цинъян взял отпуск по болезни. Шёл, видите ли, из школы домой, засмотрелся на что-то, под ноги не посмотрел, в какую-то канаву свалился, ногу сильно подвернул. Будет теперь лечиться, дома отлёживаться. А всем остальным наука, нужно быть внимательнее и смотреть, куда идёте.

Гу Хэнчжи, услышав это объявление, невольно поднял голову и уставился на спину сидящего впереди Цзи Линьсюэ. После уроков он догнал его в коридоре, когда тот уже собирал вещи.

— Поговорим? — спросил он, останавливаясь рядом.

После того случая в бассейне они, по сути, не общались, хотя и раньше-то особо не разговаривали, но Гу Хэнчжи, по крайней мере, перестал к нему цепляться и придирааться. То ли злость его наконец прошла, то ли просто надоело тратить на это время и нервы.

Цзи Линьсюэ хотел было отказаться, сославшись на занятость, но Гу Хэнчжи, словно прочитав его мысли, перебил:

— И это всё, что ты можешь сказать своему спасителю, который, между прочим, рисковал жизнью, вытаскивая тебя из воды?

Они поднялись на крышу общежития, где их никто не мог услышать. Ветер здесь был сильнее, он гудел в вентиляционных трубах и трепал волосы, где-то внизу, во дворе, лаяла собака, и Гу Хэнчжи, не тратя времени на предисловия, сразу перешёл к делу и спросил в упор:

— Твоя работа?

— Понятия не имею, о чём ты, — спокойно, не моргнув глазом, ответил тот.

Гу Хэнчжи вдруг рассмеялся, негромко, но как-то особенно, приятно. У него был глубокий, обволакивающий смех, от которого даже самые простые, ничего не значащие слова звучали завораживающе.

— А я-то, грешным делом, думал, что ты у нас пай-мальчик, правильный и честный, — усмехнулся он.

Цзи Линьсюэ оставался абсолютно невозмутим.

— А кто такой «пай-мальчик»? — спросил он. — Я никогда не говорил, что я из таких.

— Логика у тебя, конечно, железная, — Гу Хэнчжи приподнял бровь. — Ладно, тогда другой вопрос: ты воды боишься?

Слишком резкая, неожиданная смена темы заставила Цзи Линьсюэ на мгновение растеряться.

— В детстве... чуть не утонул, — нехотя, но честно, признался он после недолгой паузы. — С тех пор...

— А молчал-то чего? — перебил его Гу Хэнчжи, и лицо его, только что насмешливое, стало серьёзным. — На физру попёрся, хотя плавать не умеешь и боишься воды до усрачки. Ты вообще нормальный? Или у тебя инстинкт самосохранения в спячке?

Что именно сделал Гу Хэнчжи после этого разговора, Цзи Линьсюэ так и не узнал, но с того самого дня, без всяких объяснений и формальностей, его навсегда освободили от уроков плавания.

<http://bllate.org/book/16531/1538877>